

8. Україна в Другій світовій війні у документах: Зб. нім. арх. матеріалів (1941-1942). – Т.2. / ред. В. Косик. – Львів, 1998. – С. 107.
9. Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. Зб. док. і мат. / за ред. П.М. Костриби, С.Д. Пількевича, Ф.П. Шевченка. – К., 1963. – С. 77.
10. Там само. – С. 97.
11. Там само. – С. 143.
12. Там само. – С.169.
13. Державний архів Донецької області (ДАДО). – Ф.Р.1815. – Оп.1. – Спр.2. – Арк.6.
14. Там само. – Спр.1. – Арк.2.
15. Донецкий вестник. – 1942. – 3 листопада.
16. Там само. – 29 грудня.
17. Там само. – 25 септембрю.
18. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сб. док. и мат. / сост. А.В. Грушко и др. – Донецк, 1982. – С. 253-255, Луганщина в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сб. мат. и док. – Донецк, 1969. – С. 121.
19. ДАДО. – Ф.Р.326 п. – Оп.2. – Спр.91. – Арк.1.
20. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВОВУ України). – Ф.166. – Оп.15. – Спр.61(а). – Арк.5.
21. Там само. – Арк.38.
22. ДАДО. – Там само. – Спр.443. – Арк.3, 31, 33.
23. Там само. – Ф.Р.3765. – Оп.1. – Спр.15. – Арк.4.
24. Там само. – Ф.Р.326 п. – Оп.2. – Спр.91. – Арк.3 (зв.).
25. Там само. – Спр.140. – Арк.33.
26. Державний архів Луганської області (ДАЛО). – Ф.Р.759. – Оп.2. – Спр.8. – Арк.27.
27. Там само. – Ф.842. – Оп.1. – Спр.40. – Арк.1.
28. Там само. – Ф.Р.759. – Оп.2. – Спр.8. – Арк.27.
29. ЦДАВОВУ України. – Ф.166. – Оп.15. – Спр.54. – Арк.74.
30. ДАЛО. – Там само. – Арк.2.
31. Народное образование в СССР. Сб. док. 1917-1973 гг. – М., 1974. – С. 437.
32. ЦДАВОВУ України. – Там само. – Арк.196.
33. ДАЛО. – Ф.Р.842. – Оп.1. – Спр.40. – Арк.77.
34. ЦДАВОВУ України. – Там само. – Арк.159.
35. ДАДО. – Ф.326 п. – Оп.2. – Спр.714. – Арк.6.
36. Таблицю складено за матеріалами: ДАДО. – Ф.Р.4249. – Оп.1дод. – Спр.86. – Арк.117; – Спр.54. – Арк.44; ДАЛО. – Ф.Р.2519. – Оп.10. – Спр.10. – Арк.1,11,34; – Спр.37. – Арк.3; Луганская область за 50 лет / Сб. док. – Донецк, 1967. – С. 491.
37. ДАДО. – Ф.326 п. – Оп.2. – Спр.427. – Арк.8.

## Поцулко Е.А.

### ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ В БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века средиземноморско-балканский район сохранял свою устойчивую репутацию в мировой политике как один из основных центров конфликтного пересечения интересов великих держав, с одной стороны, и как чреватого внутренним взрывом политического пространства, с другой. Борьба за лидерство, разворачивавшаяся между государствами полуострова, была проявлением объективного процесса их становления как стран, имеющих региональную значимость. Всё это служило причиной обостренного внимания представителей русской дипломатии к развитию ситуации на Балканах. Россия понимала, что её взаимоотношения с другими странами, в особенности со славянскими, должны строиться, по возможности, с учётом национальных интересов, но на весьма прагматических основах. Тогда это было бы оправдано и с этической, и с практической точки зрения. Нередко, даже так называемые «братья славяне», не стеснясь, демонстрировали в отношении к общерусскому этносу и его государственным формам потребительское, а зачастую, и враждебное отношение. Характерным примером в этом плане является история «балканской» политики России, а также современная ситуация с положением России и всех стран общеславянской цивилизации как на Балканах, так и в мире. В настоящее время стала актуальной трансформация идеи «панславизма» в идею «панрусизма».

Определённые материалы по внешней политике России имеются в работах болгарского историка Куцарова П. [10], отечественных историков Ильина В.В., Хозина А. Г. и других. Проблемами международных отношений начала XX века, в том числе и отдельными аспектами русско-болгарских отношений, занимались Гайдук В., Кучеренко Т., Михальченко М. [6], Дергачов О. [7], Гудин Р., Клигеманн Х.-Д. [11], Цыганков П. А. [13] и другие. Большой интерес в плане исследования данной проблемы представляют документы, находящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, которые и будут составлять источниковую основу данной статьи.

**Цель статьи** – рассмотреть проблемы русско-болгарских отношений накануне I Мировой войны и оп-

ределить роль и участие русских дипломатов, послов и консулов в урегулировании, становлении и развитии этих отношений.

Для реализации поставленной цели необходимо выполнить ряд **задач**, а именно: рассмотреть условия и факторы восстановления отношений между Болгарией и Россией, а также попытаться доказать, что главной заботой российской внешней политики того периода было обеспечить спокойствие на Балканах и использовать в своих интересах стремление Болгарии к независимости.

Россия возобновила свои дипломатические отношения с Болгарией и признала Фердинанда князем Болгарии только после того, как сам Фердинанд расстался в 1894 году с русофобом Стамбуловым. С этого момента в отношениях князя Фердинанда с послами и дипломатами России в Софии начинается период «любви». После восстановления отношений между Болгарией и Россией 2 февраля 1896 года российская внешняя политика на Балканах и особенно послы России в Софии постоянно уделяли внимание вопросу о независимости и внимательно следили за его развитием. Так, дипломатический представитель России в Болгарии Щеглов в своей записке министру иностранных дел России Ламздорфу писал: «Императорскому министерству хорошо известно, что Болгария давно стремится уничтожить последние признаки зависимости своей от Турции; она страстно желает провозгласить себя Королевством, и если это не сделано до сих пор, то только потому, что Софийское правительство боялось рискнуть таким шагом без поддержки России» [10, 3].

Болгарский князь стремился обязательно посетить столицу Российской империи, и камергер Бахметьев помогал ему. В 1898 году по настоянию посла Россия предоставила Фердинанду судно, «чтобы миновать Сербию и Австрию и ехать на Одессу». Фердинанд стремился всеми способами понравиться императору. В секретной телеграмме графа Ламздорфа послам в Константинополе и Софии опять-таки прослеживается забота российской дипломатии – обеспечить спокойствие на Балканах и использовать в своих интересах стремление Болгарии к независимости: «Россия не может нигде ... вести нерешительную политику, либо подчиняясь какому-то фатализму, слагать руки перед встречающимися трудностями... Умиротворить до крайности возбуждённые на Балканском полуострове страсти и, главным образом, создать настолько определённое политическое положение, при котором Россию не могли бы втянуть в войну ни видимо стремящиеся к тому Западные державы, ни рассчитывающие посредством восстания вынудить её поддержку славянские народности – задача, конечно, весьма сложная и трудная, но нам ВЫСОЧАЙШЕЮ волею предписано довести её до конца» [1].

Как видим из посылаемых Ламздорфом указаний, политика России по вопросу болгарской независимости во время его руководства МИД была нацелена на поддержание status quo и нашла своё выражение в следующем: сдерживать стремление молодого Болгарского государства, открыто не противиться стремлению к независимости и искать возможности использовать национальную идею болгар в интересах России [2]. Тема независимости была центральной и в беседе министров иностранных дел Болгарии и России. Запись А.П. Извольского, на которую император 23 января 1907 года наложил резолюцию «Вполне одобряю», была послана российским представителям в Европе и на Балканах. В ней отмечается, что Александр Петрович посветовал министру Станчову соблюдать умеренность и благоразумие, чтобы достичь своих заветных стремлений. Россия обещала поддержку Болгарии при условии установления хороших отношений с Турцией. «Лишь при наличии подобных отношений Императорское правительство может с успехом поддерживать в Константинополе требования Болгарии об осуществлении прав, законно принадлежащих болгарской национальности и болгарской церкви в Македонии. При несомненном численном и нравственном перевесе болгарского элемента в Македонии Болгария, более чем другие Балканские государства, может рассчитывать, что время действует в её пользу» [3].

Значительный вклад в болгаро-русские отношения внёс в 1907 году новый посол России в Болгарии Д.К. Сементовский – Курило. В докладе министру А.П. Извольскому он предлагает целостную программу развития отношений между двумя странами. Сементовский, в частности предлагает использовать «созданный в стране культ Царя – Освободителя», так как связанные с войной 1877 – 1878 годов воспоминания «бескорыстного подвига России составляют ту живую связь между освободителями и освобождёнными, которую не могли разрушить ни козни врагов, ни заблуждения болгарских правителей, ни сквернословные расчёты политических деятелей» [10, 4].

Посол считал, что России пора воспользоваться своим положением на Балканском полуострове и результатами многочисленных войн с Турецкой империей за освобождение славян: «С этой точки зрения особого внимания, без сомнения, заслуживает Болгария, которая своим успехом едва ли не превзошла все ожидания и которая по силе внутреннего своего импульса, конечно, стоит выше своих соседей. Таково общее впечатление, и особенно ярко оно оказалось у ветеранов освободительной войны, прибывших на торжества в Болгарию, и для которых картина, представшая перед их глазами, явилась откровением» [9, 297]. Император Николай II одобрил предложенную Сементовским программу всестороннего развития болгаро-русского сотрудничества – от туризма до сотрудничества военных, молодёжи, церкви, совместного издания книг, путеводителей. Но, как часто бывает в бюрократической дипломатической практике, все предложения были направлены для обсуждения и доработки мнения в многочисленные ведомства. Пока шло это рутинное делопроизводство, посол Сементовский настаивал на более активном участии в болгарских делах. По мнению Сементовского, «самоопределение Болгарии в этнографическом отношении составляет для них первейшую задачу, и, доколе она не достигнута, о Королевстве не следует и думать, так как объявление независимости если, быть может, и не помешает этому самоопределению с принципиальной точки зрения, то, во всяком случае, способно затормозить его движение» [4].

Следует подчеркнуть ещё один момент, использованный российским Министерством иностранных

дел: попытка провозглашения независимости была связана с разрешением македонского вопроса. 4 августа 1907 года дипломатическому представителю России в Болгарии было направлено письмо министра, одобренное императором: «Для России возникновение осложнений на Балканском полуострове было бы крайне несвоевременно. При всём сочувствии к Болгарии и её стремлению к независимости мы не можем одобрить слишком поспешных с её стороны решений, тем более что, по крайнему нашему разумению, её дальнейшее развитие и процветание стоят в тесной связи с судьбами Македонии» [5]. В ходе дискуссии по македонскому вопросу Извольский старался придать английской программе реформ в Македонии более умеренный характер. Он не скрыл от своего британского собеседника, что Россия опасается военного превосходства Германии. Ввиду этого, говорил русский министр, Россия должна вести свою политику «с величайшей осторожностью в отношении Германии и не давать ей повода думать, что сближение России с Англией приведёт к соответствующему ухудшению отношения России к Германии» [8, 187]. Царской России надлежало ещё восстанавливать свою мощь, ослабленную неудачной войной с Японией и потрясениями 1904 – 1905 гг., а пока её противники спешили воспользоваться благоприятным моментом для укрепления своих позиций на Балканском полуострове. В первую очередь принялась за это австрийская дипломатия. Эренталь приступил к этой задаче в начале 1908 года. Выступление Эрентала вызвало в России крайнее возбуждение: «Тогда впервые, в несомненной ясности, обнаружилась Балканская политика Эрентала, направленная на полное подчинение Сербии Австрийскому влиянию наперекор букве и духу международных актов и законным интересам России на Балканах» [12, 13].

И только боснийско-герцеговинский кризис 1908 – 1909 годов раскрыл Европе истинное положение вещей. Мошенническая проделка, к которой прибег Эренталь, чтобы превратить безопасное для Австро-Венгерской монархии фактическое обладание Боснией и Герцеговиной в юридическое владение путём грубого правонарушения, носившего характер вызова как всему сербскому народу, так и России, не только не вызвала неодобрения со стороны Германского правительства, но была принята под его покровительство [12, 14].

Европа была поставлена перед совершившимся фактом, и ей оставалось либо признать его таковым, либо вступить в вооружённую борьбу с Австро-Германскими соединёнными силами, а, может быть, и со всем Тройственным Союзом. Правительство Болгарии отдавало себе отчёт, что может решиться на нарушение Берлинского договора, лишь опираясь хотя бы на одну из великих держав, вот почему оно искало себе союзника. Австро-Венгрия тоже была заинтересована в пересмотре Берлинского договора, стремясь к аннексии Боснии и Герцеговины. Под предлогом, что Болгария – это вассальное государство, её дипломатический представитель в Константинополе Иван Гешов не был приглашён на приём вместе с дипломатами других государств. 15 сентября 1908 года Болгария отозвала в отпуск своего представителя, и через несколько дней конфликт между Болгарией и Турцией усугубился: 19 сентября 1908 года правительство Болгарии заняло железнодорожные линии в Южной Болгарии, принадлежавшие Восточному обществу и считавшиеся собственностью Турции. Имея в виду возможность быстрого развития событий и предложения о поддержке стремления Болгарии к независимости, дипломатический представитель настаивал на том, чтобы Министерство иностранных дел России без промедления дал инструкции. В это время министр А.П. Извольский был в Европе и данным министерством управлял товарищ министра Н. Чарыков. Под его руководством был подготовлен, согласован с министром и 19 сентября на яхте «Штандарт» одобрен императором проект секретной инструкции императорскому посланнику в Софии. В этом документе было подчёркнуто, что если бы Болгария не послушалась слов России и предприняла без её согласия и одобрения какой-либо шаг, могущий повлечь за собой нарушение европейского мира, то Россия не оказала бы ей помощь; что в отличие от 1878 года, когда всё русское общественное мнение было воинственно настроено, теперь вся Россия единодушно желает и требует мира и не даст себя отвлечь от этого пути никаким самовольным шагом вызванного ею к жизни Княжества; что для Болгарии было бы выгоднее, что инициатива нарушения Берлинского трактата исходила не из Софии, а из Вены; что императорское правительство решило отнестись к предстоящему выступлению Австро-Венгрии прежде всего с точки зрения обеспечения русских интересов и интересов Балканских государств путём обеспечения этих интересов надлежащими гарантиями и компенсациями. До провозглашения независимости оставались считанные часы.

Перед руководством России стоял всё тот же основной вопрос: что делать? Нельзя было отречься от исторических предначертаний в отношении славян на Балканском полуострове и от намерений в отношении проливов, а, с другой стороны, интересы России не допускали осложнений на Балканах. К объективным трудностям, в которых работало русское агентство (князь Фердинанд отсутствовал в Софии), добавились и технические. 20 сентября Семеновский информирует МИД, что ввиду значительных ошибок в передаче телеграммы, отправленные Н. Чарыковым болгарскому министру Паприкову, окончательно разобраны были вчера лишь поздно ночью. «Закрывающееся в них сообщение могло быть поэтому сделано мною Паприкову только сегодня утром. Само собой разумеется, что я развил при этом все те соображения, которые должны побудить Болгарию принять предложенный нами план. Сообщения эти по достоинству оценены были министром». Со своей стороны дипломатический представитель Болгарии в Петербурге тоже настаивал на реализации русского плана провозглашения независимости. Цоков оценил предложение России как выгодное, и он настоятельно советовал болгарскому правительству принять его, так как срок сравнительно краткий, в который «мы достигнем тех же самых результатов без страха за изменение положения».

На другой день после провозглашения независимости Болгарии послу Зиновьеву в Турции и европейским представителям России сообщалось, что болгарскому правительству известно, что оно не может ожи-

дать от России никакой ни нравственной, ни военной помощи. Наряду с этим российским представителям указывалось, что «нам надлежит теперь приложить все усилия к тому, чтобы, не только не втягиваясь самим ни под каким видом в столкновение с Турцией, по возможности предотвратить таковое и для Болгарии». Важную роль сыграли указания МИД России Семеновскому, что он должен продолжать с болгарским правительством прежние сношения, расписаться в Дворцовой книге после возвращения Фердинанда в Софию, отозваться на приглашение частного характера явиться во дворец, предупредив, что эти действия не являются прямым или косвенным признанием совершившегося факта. Вопрос о признании Болгарии независимым Королевством будет представлен предстоящей Конференции Держав, подписавших Берлинский трактат.

**Итак, в канун болгарской независимости обстановка на Балканах была сложная. Главными участниками в борьбе за господство в этом регионе являлись Германия, Австро-Венгрия, Англия и Россия. Франция и Италия тоже не оставались безучастными к европейскому наследству Турции. Отсюда – осторожность и тактичность русских дипломатов, консулов и послов, главной заботой которых было обеспечение спокойствия на Балканах и использование в своих интересах стремления Болгарии к независимости.**

Во-вторых, болгарское правительство, имея в виду всегдашнюю готовность России помочь болгарскому народу в деле осуществления его идеалов, с одной стороны, и с другой – будучи глубоко убеждённым в том, что провозглашение независимости Болгарии в настоящую минуту не противоречит интересам славянства, считало свой поступок вполне оправданным. Выражалась надежда, что юное болгарское царство найдёт поддержку, прежде всего, у своей Освободительницы, на которую не без основания возлагает свои надежды всё славянство.

В-третьих, действия русских дипломатов, консулов и послов привели к повышению авторитета России в Болгарии. Поддержка Болгарии была оказана с учётом геополитических факторов. Роль сыграли даже такие мелкие шаги, как то, что её дипломатический представитель первым вручил свои верительные грамоты царю Фердинанду и таким образом стал старшиной (дуайеном) дипломатического корпуса. А Высочайшая поздравительная телеграмма императора, положившая начало признанию всеми государствами нового международного положения Болгарии, была встречена с чувством глубокого удовлетворения.

#### **Источники и литература**

1. Архив внешней политики Российской империи (Далее: АВПРИ). – Ф. 151. – Политархив, 1903 г. – Оп. 482. – Д. 1320. – ЛЛ. 199 – 200.
2. Там же. – Ф. 192. – Политархив, 1907 г. – Оп. 527. – Д. 9. – Л. 6.
3. Там же. – Ф. 151. – Политархив, 1907 г. – Оп. 482. – Д. 79. – ЛЛ. 19 – 20.
4. Там же. – Д. 80. – Л. 50.
5. Там же. – Д. 1334. – Т. II. – ЛЛ. 1 – 5.
6. Гайдук В., Кучеренко Т., Михальченко М. Україна у регіональному вимірі: проблеми і перспективи. – Донецьк: Донбас, 2002. – 228 с.
7. Дергачов О. Зовнішня політика України: у пошуках орієнтирів. – Донецьк, 2001. – 175 с.
8. История дипломатии/ Под ред. В.П. Потёмкина. – Т. 2. – М. – Л.: Политическая литература, 1945. – 423 с.
9. Краткая история Болгарии / Под ред. Г.Г. Литаврина. – М.: Наука, 1987. – 567 с.
10. Куцаров П. Независимость Болгарии и русская дипломатия (1908 год) // Международная жизнь. - № 8. – 1998. – С. 3 – 6.
11. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – 448 с.
12. Сазонов С.Д. Воспоминания: Россия в мемуарах дипломатов. – М.: Международные отношения, 1991. – 398 с.
13. Цыганков П. А. Раймон Арон о политической науке и социологии международных отношений // Социально-политические науки. – № 5. – 1991. – С. 82 – 96.